

Год войны

Григорий Петрович Максимов

1940

Война перевалила на второй год. Сколько перемен, самых неожиданных, головокружительных перемен произошло за год! Карта Европы перекроена до неузнаваемости. Страна за страной теряли свою независимость. Люди, как скот, сотнями тысяч перебрасывались с насиженных в течении столетий мест в места новые, незнакомые. Разрушенные города, расстроенная промышленность, призраки голода. Разбитые иллюзии, разрушенные надежды, идеологические руины, банкротства - государственное, военное, классовое, нравственное. Мир горит огнем безумия.

В прошлом номере мы показали и, надеемся, доказали, что война вышла из грабежа и продолжает оставаться грабежом. Грабеж же со всех точек зрения и по всем законам есть преступление. Война, следовательно, тоже преступление. Да, преступление, но преступление особое, почетное преступление - это узаконенное, прославляемое, церковью благословляемое и поэтами воспеваемое уголовное преступление. Война - узаконенный массовый грабеж и разбой с массовыми убийствами и насилиями, с пожарами и разрушениями. Она даже хуже разбоя, ибо она беспощадней и по своему размаху превосходит все разбои мира взятые вместе.

Все предпринимавшиеся до сих пор попытки устранить войну кончались полной неудачей: Гаагский Трибунал и Лига Наций оказались совершенно бессильными.

Почему же они оказались бессильными?

Представьте себе, что большой город: Лондон, Нью-Йорк, Чикаго, Париж, Берлин или Москва, поделен на сферы грабительскими шайками. Одна из этих шаяк усиливается и вторгается в сферу другой. Это вторжение ведет к войне между шайками. Побежденные запросили мира. Победители дают мир, город перераспределен согласно договору, продиктованному победителями. В целях устранения столкновений в дальнейшем, и в целях сохранения установившегося положения вещей, создан координационный совет. И что же? Война между шайками скоро возобновляется с большей силой. И так без конца, пока шайки не переловлены.

Точно так же обстоит дело и на интернациональной арене, те же самые отношения между государствами, те же самые побуждения и мотивы, та же самая мораль и те же самые принципы. Лига Наций была блестящим примером этого. Вспомните Манчжурию, Абиссинию, Китай, Испанию, Албанию, Австрию, Чехо-Словакию, Польшу, Финляндию.

Как обыкновенный грабеж есть результат экономического неравенства, на котором базируется современная капиталистическая система, так и война - грабеж одной страны другой - есть результат того же самого экономического неравенства, но уже не личностей, а целых стран. Равенственное распределение природных богатств между всеми странами мира и организация мирового производства на основе удовлетворения потребностей, а не наживы, могут устранить войны, т.е. грабежи с массовыми убийствами, разрушениями и пожарами. Но это означает не больше и не меньше, как устранение современной государственно-капиталистической системы, следовательно, войны исчезнут только с исчезновением капитализма, частного или государственного, и государства как политической формы организации общества. Ни гаагские суды, ни лиги наций, ни соединенные штаты Европы, о которых, благодаря неожиданным победам Гитлера, перестали говорить, войн устранить не могут, потому что они не устраняют их основные причины: неравенство и эксплуатация. По тем же самым причинам войны не могут быть устранены ни коммунизмом Сталина, ни социализмом Гитлера и ни социализмом Муссолини.

Рост большевистского милитаризма и империализма является одним из основных факторов перемены английской внешней политики. Большевистский милитаризм представляет двойную опасность для господствующего класса Британской империи: империалистическую и классовую. В целях устранения этой опасности английский господствующий класс стремился создать сильный барьер на западной границе СССР и постоянную военную угрозу на востоке. При наличии на востоке сильной и агрессивной Японской империи создание этой военной угрозы не представляло никакой трудности. Иначе дело обстояло на западе. Польша не представляла собой ни угрозы большевистскому империализму, ни достаточно надежный барьер против него. Демократическая же Германия не подходила для этой роли ни по своему состоянию, ни по своему характеру.

Приход к власти германского нацизма разрешил тяжелую задачу. Непримируемый анти-большевизм нацизма встретил горячее сочувствие в английских влиятельных кругах, которые решили сделать Гитлера, как они сделали Муссолини, орудием их классовой и имперской политики. Болдвин, а затем Чемберлен, поддерживаемые Кливлендами, резко изменили политику по отношению к Германии. Новая английская политика преследовала двойную цель: путем создания сильной Германии приостановить проникновение большевистского империализма вглубь Азии и использовать гитлеризм в качестве жандарма Европы.

Пренебрегая интересами союзной Франции и прямо подрывая французскую гегемонию в Европе, английские Чемберлены, под прикрытием хороших предлогов, начали помогать Гитлеру в создании сильной милитаристической Германии. Все домогательства бессильного Гитлера, которые были невозможны со стороны демократической Германии, удовлетворялись целиком. Вполне возможно, что Гитлер даже тайно подстрекался к этим домогательствам. Начались блистательные "успехи" нацистского фюрера: присоединение Саарской области, милитаризация и возведение укреплений по Рейну, введение всеобщей воинской повинности, строительство воздушного флота, танкового флота; договор с Англией, прямое нарушение Версальского договора, о размерах немецкого морского флота; открытое заявление о необязательности для Германии Версальского договора, захват Австрии и верх всего

- Мюнхен, за которым как логическое следствие последовал захват Чехо-Словакии и Мемеля^{1*}.

Одновременно со всем этим нацизм превратил Германию в сплошную казарму и лихорадочно вооружался, запасался нужным сырьем и продовольствием.

В Мюнхене, при содействии Чемберлена и Даладье, была осуществлена мечта крайних немецких националистов - пангерманское государство, включавшее в сферу своего влияния Польшу и Балканы. Таким образом, английский капитализм, не поступаясь ничем своим, помог, активно помог, можно сказать, создал почти экономически самодостаточную пангерманскую империю, которая, согласно планам, должна была служить имперским и классовым интересам британских Кливлендов, и отчасти французских, против большевистского империализма и против рабочего движения в целом.

Гитлер, как видим, хорошо оплачивался и потому охотно выполнял роль лакея англо-французских реакционных капиталистических кругов, которые в смертном классовом страхе так увлеклись им и его филиппиками против большевизма, что не видели или не хотели видеть, что милитаристская политика нацизма в обстановке нищеты и разрухи неизбежно толкала последний на большевистский путь, к тоталитарному государству, в котором нет места для частного капитализма. Немецкий частный капитализм убивался ежедневно и замещался большевистским государственным капитализмом. Перед войной он фактически уже был уничтожен. Несмотря на это, в определенных капиталистических кругах всех стран все еще продолжают жить иллюзиями, что нацизм - спасение капитализма. Здесь господа капиталисты-реакционеры уподобляются господам социалистам-реакционерам и либералам-реакционерам, которые все еще живут иллюзиями, что большевизм - прогрессивное явление, заслуживающее поддержки.

Нацизм прекрасно понимал свою лакейскую роль и настроения своего барина, и старался извлечь из этого максимум возможных выгод для себя. Немецкий нацизм искусно начал спекулировать на классовом страхе Чемберленов перед большевизмом и стал предъявлять одно требование за другим, не считаясь с внутренними политическими условиями своих хозяев.

Известно, что Мюнхен вызвал бурю возмущения и негодования не только во Франции и Англии, но во всем мире. Чемберлен и Даладье после Мюнхена попали в весьма щекотливое положение, и для них повторение Мюнхена в ближайшее время стало невозможно, ибо это могло привести к революции и, следовательно, к потере классового господства, во имя сохранения которого они создали Гитлера. Но Гитлер не посчитался с этим, наоборот, он повел самую энергичную кампанию против Польши, требуя от Чемберлена и Даладье повторения Мюнхена на востоке.

Под давлением возбужденного общественного мнения, Чемберлен и Даладье, скрепя сердце, послали в Москву делегацию для переговоров о совместном отпоре Гитлеру. Москва в это время уже находилась в тайных переговорах с Берлином. Гитлер, чтобы добиться второго Мюнхена, стремился, в порядке договора дружбы и ненападения с СССР, обеспечить свои восточные границы и тем принудить Чем-

¹ Ни в коем случае не оспаривая прямое и косвенное участие Англии и Франции в восстановлении военной мощи Германии после прихода к власти Гитлера, напомним и об участии в этом процессе СССР.

берлена и Даладье на уступки. Москва со своей стороны, пользуясь создавшимся положением, потребовала Мюнхена и для себя^{2*}. Когда англо-французы на это не пошли, то немедленно было объявлено о заключении договора между Сталиным и Гитлером. Гитлер, не теряя времени, первого сентября 1939 г. напал на Польшу, полагая, что при создавшихся условиях англо-французский капитализм будет вынужден склониться перед совершившимся фактом. Расчет оказался ошибочным. Чемберлены и Даладье оказались перед дилеммой: или революция, или война с Гитлером. Они выбрали последнее. Война началась 3-го сентября 1939 г.

Итак, английская и французская, главным образом английская, внешняя политика, преследовавшая классовые интересы, привела к войне, которая угрожает этим самым интересам.

Для всех было очевидно, вероятно, и для самого Гитлера, что шансы Германии на победу ничтожны, ибо Германия, разоренная войной и Версальским миром, продолжала оставаться нищей, без денег, без сырья, без единства внутри, и начала вооружаться за счет здоровья и благополучия своего населения только с приходом к власти Гитлера, т.е. с 1933 г., Англия и Франция - могущественные державы мира, извлекавшие все выгоды из Версальского договора, богатые сырьем, деньгами и могучими флотами. Они на протяжении всех после-версальских лет продолжали оставаться, особенно Франция, милитаристскими и не скупилась на военные расходы. Союзники были уверены в победе. Но они боялись этой победы, ибо скорое и решительное поражение Гитлера неизбежно вызвало бы бурную революцию в Германии и во всей Центральной Европе, обуздать которую они не были бы в состоянии. Союзники, поэтому, предпочли взять Гитлера измором. Кроме того, англо-французские капиталисты не желали разрушать немецкую крупную промышленность, с которой они связаны, ибо с разрушенной и нищей Германии возмещение невозможно будет получить. Осень и зима прошли в полном бездействии, чем Гитлер воспользовался, чтобы приготовить во всех подробностях молниеносный удар на весну.

Польша не получила никакой помощи со стороны Союзников и погибла, будучи разделена между Сталиным и Гитлером. За спиной Гитлера Сталин, имея развязанные руки, занял военные базы в Литве, Латвии и Эстонии, а позднее присоединил эти страны к СССР и напал на Финляндию. После страшных усилий и поражений, в конце концов, получил и от Финляндии базы и кусок территории. Союзники, чтобы не толкнуть Сталина на прямой военный союз с Гитлером, не оказали никакого сопротивления сталинскому разбою и грабежу. Но Сталин, согласно договору, помогал Гитлеру, снабжая его нефтью, разного рода сырьем и съестными припасами.

Установленная союзниками блокада, несмотря на снабжение со стороны России, все туже и туже стягивала петлю на шее Германии. Рано или поздно эта петля задушит нацизм. Гитлер это понимал, потому что уже осязательно чувствовал результаты блокады. Чтобы ослабить блокаду или прорвать ее, Гитлер внезапно захватил Норвегию и Данию и тем обеспечил себя шведской железной рудой, лесом, рыбой и никелем. Затем, чтобы обеспечить себя удобными для нападения на Англию воздушными

² Очевидно, имеется в виду известное требование советской делегации на летних 1939 г. переговорах с Англией и Францией предоставить т.н. "коридоры" для прохода советских войск через территорию Польши.

и морскими базами, занял Голландию и одновременно вторгся в Бельгию, имея в виду не только захват бельгийского побережья, но и обход укреплений Мажино. Эти операции были проведены с величайшей быстротой и минимумом потерь. В Бельгии огромные французская и английская армии были разбиты и окружены, бельгийцы сдались. Гитлер, напрягая все силы, рискуя всем, начал молниеносную войну и против Франции. Вопреки ожиданиям всех, в том числе и самого Гитлера, молниеносная война, "блиц криг", оказалась сказочно успешной. Французская республика оказалась прогневшей, и вместо стали Гитлер встретил рыхлое тело. Французское военное командование оказалось феноменально бездарным и преступно беспечным. Головка французской крупной буржуазии симпатизировала Гитлеру, видя в нем защиту от революции, поэтому, до наступления Гитлера, она занималась не организацией войны, а уничтожением конституционных гарантий, арестами радикалов и удушением рабочего движения, убиением всего антифашистского^{3*}. Верная традиции 1871 г., французская буржуазия во имя спасения собственности готова подчиниться какому угодно завоевателю, пойти на самые позорные условия. И она действительно приняла самые позорнейшие условия Гитлера и Муссолини, который вступил в войну незадолго до этого, более позорные, чем Брест-Литовский мир.

Мир с Гитлером был самой черной изменой союзнице Англии, и последняя, чтобы предотвратить захват военного французского флота Гитлером, напала на него: часть уничтожила, часть обезоружила. С поражением Франции, войну против Гитлера и Муссолини ведет одна Англия.

В данный момент на Европейском континенте господствуют три государства: государства Сталина, Гитлера и Муссолини, все остальные потеряли независимость. От Японии до Португалии, по всей Азии и Европе господствует ныне злейшая реакция желтой, красной, коричневой и черной диктатур.

Война, когда она началась, носила все признаки империалистической войны. Но вместе с этими признаками настоящая война несла в себе и другие элементы, другое содержание - социальное. Война сейчас приняла характер борьбы режимов, социальных систем, борьбы классов: бюрократии и капиталистов. И для трудящихся масс сейчас совсем не безразлично, кто победит в этой войне. Раньше, когда войны носили чисто империалистический характер, в завоеванных территориях менялись администрации, но не социально-экономическая система. Теперь меняется социально-экономическая система: частный капитализм замещается государственным капитализмом, ограниченная капиталистическая демократия замещает-

³ Уже в сентябре 1939 г. французское правительство закрыло большинство левых газет, распустило большую часть профессиональных союзов и других левых организаций, а сохранившиеся были поставлены под непосредственный контроль государственных органов (например, руководство всех профсоюзов должно было утверждаться министерством труда). Одновременно резко увеличилась продолжительность рабочего дня, отменены выходные дни для рабочих, ликвидировалась система коллективных договоров. В конце сентября 1939 г. правительственным декретом была запрещена компартия; к моменту начала германского наступления (май 1940 г.) во французских тюрьмах находилось несколько тысяч левых (анархистов, синдикалистов, коммунистов). В то же время, фашистские организации во Франции продолжали действовать открыто, арестованные за организацию фашистского путча 1934 г. "кагуляры" были освобождены как "патриоты". Не был распущен даже "Комитет Франция - Германия", а в парламенте группа правых депутатов образовала "Комитет связи в защиту мира", требовавший прекращения войны.

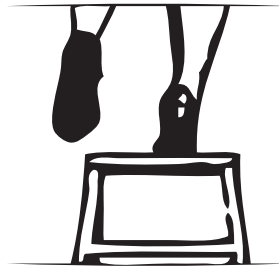
ся неограниченной диктатурой бюрократии, ограниченные свободы заменяются неограниченным произволом, безграничной регламентацией; население становится собственностью государства, а государство огромным скотскими двором. Рабочий класс превращается в крепостного.

Мы боремся против капитализма, мы хотим его устранения, потому что капитализм - это эксплуатация. В борьбе с капитализмом мы завоевали себе кое-какие права, которые облегчают нашу борьбу с ним. Мы хотим расширить эти права до предела, т.е. до устранения капитализма, до замещения его режимом свободы и экономического равенства. Когда побеждает нацизм, фашизм или коммунизм, то он, уничтожая частный капитализм, уничтожает и те права, те ограниченные свободы, которые были завоеваны дорогой ценой ряда поколений. Отсюда, победа в этой войне нацизма над капитализмом есть в то же время и победа над рабочими классом, над всеми трудящимися. Нацизм, фашизм и большевизм должны быть разбиты; они должны быть разбиты не в интересах спасения разлагающегося капитализма, а в интересах раскрепощения от него рабочих масс. Борьбу за освобождение гораздо легче вести против разлагающегося частного капитализма и его государства, чем против молодого, здорового, жестокого, не разбирающегося в средствах государственного капитализма.

Исходя из всего сказанного, я, при всей моей неизменной вражде к империализму вообще и к английскому в особенности, выражаю надежду на его победу над нацизмом. Я уверен, что поражение нацизма вызовет революцию в Германии, в Италии, во всей Европе, и победоносный английский империализм, обессиленный войной, не только не сможет погасить революционного пламени, но и сам станет его жертвой. Революция в Европе будет означать и освобождение русского народа от государственно-капиталистического крепостничества.

Победа нацизма - торжество модернизированного средневековья на много-много лет, оскотенение человечества. Да минет нас чаша сия!

Библиотека Анархизма
Антикопирайт

Григорий Петрович Максимов
Год войны
1940

Скопировано 23 декабря 2014 года с socialist.memo.ru/firstpub/y05/maksimov.htm
Дело труда - пробуждение. № 2. Ноябрь-декабрь 1940. С. 1-5.

ru.theanarchistlibrary.org